

Ученик консерватории

Начало ноября 1957 года. Я уже три года проработал на Харьковском тракторном заводе, куда меня направили после окончания одесского политехнического. Вечером на поселке ХТЗ делать было нечего. Трамвай "марка" 20 почти час вез меня в центр. Пойти в театр было поздно, кончался первый акт. В кино не хотелось. К родственникам — не было смысла. Клуб туристов работал один вечер в неделю. Я шатался по пустому городу, чтоб к полуночи прийти домой и лечь спать.

Как-то на площади Тевелева у консерватории я увидел большую афишу о том, что завтра будет прослушивание всех желающих стать кандидатами в ученики-вокалисты. Меня это заинтересовало. На каждом туристском слете или конференции, стоило мне там появиться, все начинали скандировать: "Короб, пой! Короб, пой!". Так как время прослушивания меня устраивало, то назавтра я был в консерватории.

Я был записан в первой двадцатке, всего там собралось, наверное, человек сто. Все волнуются, надели свои лучшие платья, каждый репетирует свой номер. Мне, к сожалению, не удалось переодеться. И с моим номером вышло непросто: сначала я хотел спеть чардаш "Говорят, не смею я, говорят, не смею я с девушкой пройтись в вечерний вечер селом!". Но как начали кандидаты петь, я решил поменять произведение. Очень взволнованный, я спросил ведущего, могу ли я поменять песню. Ведущий ответил утвердительно, и я назвал песню А. Новикова на стихи Л. Ошанина "Эх, дороги!". Вскоре вызвали меня. Как я пел, уже не помню. Помню, что были потные ладони. Отпев, я стоял у прохода на эстраду. Рядом стояла среднего роста девушка, широкая в кости, в синем платье. "Как вы думаете, меня взяли?" — "Взяли". — "А кто будет моим преподавателем?" — "Я!" Так я познакомился с моим учителем по вокалу в консерватории. Она назначила мне первый урок, и мы расстались.

На заводе я никак не мог сосредоточиться на служебных делах. В то время у меня была своя конструкторская группа в бюро нестандартного оборудования. Она не была проведена каким-либо приказом, но со мной работало от восьми до восемнадцати конструкторов. В зависимости от задания они детализовали мои общие виды либо по моим эскизам делали общие виды и детализовку, а мне оставалось проверить их работу. Но в тот день у меня все валилось из рук!

Наконец прозвенел звонок, рабочий день окончился, и я поехал в кон-

серваторию. Мой педагог ждала меня в вестибюле. Нам назначили аудиторию, и начался первый урок. Мы познакомились. Мою преподавательницу звали необычно: Мальвина Исферапонтовна. Я удивился, но промолчал. Начали распеваться. Преподаватель сказала, что у меня лирический баритон, а я-то считал, что у меня тенор! Мальвина Исферапонтовна сделала замечания по моему пению на конкурсе: я ошибся в песне.

К сожалению, много заниматься не удалось. Я пришел с завода усталым и голодным. Голос звучал глухо. Говорили о дальнейших занятиях. Нужно перед поездкой на урок обязательно немного поест.

Мальвина Исферапонтовна рассказала, что на Украине есть три ведущих вокальных педагога: во Львове — Карпатский, в Одессе — Благовидова, а в Харькове — Павел Васильевич Голубев, в класс которого меня взяли. На этом мы расстались.

Прошло несколько уроков. Первое, на что обратила внимание мой учитель, — близкий звук, не позволить звуку уйти в горло. Для этого мы пели разные упражнения. Из-за моей всегдашней усталости дела продвигались медленно.

В тот день я, как обычно, спал стоя, пока трамвай больше часу вез меня на поселок ХТЗ. Придя домой, я обнаружил, что задний карман брюк разрезан. Вор подумал, что у меня там много денег, а там вовсе лежало письмо, что моей матери сделали операцию по поводу рака, а у отца поэтому случился инфаркт. Пришлось отпарывать испорченный карман.

На следующий день в нашем бюро разгорелся спор: нужно ли инженеру учиться в консерватории. Техник-конструктор Анатолий Васильевич Рыбальченко, который на заводе работал со времени его строительства, утверждал, что раз государство затратило деньги на обучение инженера, то второй раз тратиться оно не должно. А молодой техник-конструктор Неля Буда считала, что голос — явление редкое, учиться пению нужно. Голоса сотрудников разделились, но большинство меня поддержало.

На одном из следующих занятий (а это было в субботу) меня повели представлять самому профессору Павлу Васильевичу Голубеву, учителю и другу знаменитого Бориса Романовича Гмыри. В небольшом классе за столиком сидел профессор. Перед ним на столике стояла пара бутылок кефира, из одной Павел Васильевич наливал в стакан. У пианино стоял и по-хорошему мне улыбался баритон Коля Коваленко, с которым мы уже были знакомы. Ожидал своей очереди заниматься необычный Женья Иванов. Необычность заключалась в его внешности: необычайно красивый бас был у человека не очень большого роста. Был кто-то еще и сидел на

стуле рядом с Женей. Коля окончил свою программу. Меня позвали к инструменту. Павел Васильевич внимательно слушал мои упражнения и время от времени давал указания моему педагогу. Кстати, ее все звали просто Машей!

Наступила зима. Маша, чтоб я не простужался, запретила мне разговаривать на улице. Я старательно исполнял все ее требования. Тут-то и произошёл этот анекдотический случай.

Харьковскому тракторному заводу одно подмосковное предприятие поставляло гидроподъемники к тракторам. А сейчас оно отказалось. Мне летом уже пришлось проектировать стенд для испытания гидроподъемников колесных тракторов ДТ-14, а теперь аналогичный спроектировать для гусеничных ДТ-54. Когда стенд был изготовлен, на его испытания собралась целая делегация: директор завода Павел Ефимович Саблев, главный инженер, еще кто-то, начальник нашего бюро Борис Иосифович Дашевский и я. У меня на всякий случай были чертежи стенда. Стенд помещался на площадке, где готовые тракторы грузили на железнодорожные платформы. Подъехал трактор, его установили на стенде, подвесили груз и включили подъемник. Трактор спокойно поднял груз и держал его, сколько требовалось. Главный инженер что-то у меня спросил. Я, не говоря, показал на чертеже. Главный разозлился и захотел, чтобы я обязательно ему ответил. Дашевский рассмеялся: "Он на улице не разговаривает!". Главный еще больше разозлился, но я, пока не вошли в помещение, не разговаривал. Директор завода улыбался — ему это понравилось! Вообще, я заметил, что где бы он меня ни встретил, он всегда со мной здоровался за руку. На заводе было свыше шестидесяти цехов и отделов, и директор не со всеми их начальниками здоровался за руку. Для меня делалось исключение! Почему? Я этого не знал и сейчас не знаю.

Кстати, сказать, что ХТЗ был большой, это не сказать ничего. Завод был огромен! На первую смену выходили 22 тысячи человек. А завод работал в три смены! Некоторые цеха продолжали трудиться даже в выходные дни. Таким был завод, на котором я работал.

Я познакомился со многими студентами-вокалистами. "Я — Алка Сандлер!" — так представлялась меццо-сопрано, подруга Маши. Кстати, Машина фамилия оказалась — Малькова. У Маши было меццо в четырех октавах. Голос, бывающий раз в сто лет, одинаково красивый и сильный и в низком, и в высоком регистре. Учеником профессора Голубева был скромный и красивый Коля Мануйло, обладатель необычайного баритона. Мы познакомились и подружились с Аллой Резиловой, ученицей "Царицы Тамары", про-

фессора Тамары Яковлевны Веске, зав. вокальной кафедрой. Студенты-вокалисты меня считали своим, и мне это было приятно! Конечно, не со всеми получалось по-хорошему — у меня не сложились отношения с тенором Костей. Маленького роста, туфли на высоких каблуках и толщенной подошве. Ко всему, он меня приревновал к Маше. Ай да Коська!

Приближалась зимняя сессия. Все еще и еще репетировали свои вещи. Вот тогда мне повезло услышать Машину программу. Она была очень сложной и вместе с тем необыкновенно красивой. Мне запомнилось, как она исполняла романс П. Чайковского на стихи Я. Полонского "Песнь цыганки". Я знал народную песню на эти же стихи (кстати, написанные в бытность Полонского чиновником в Одессе), но музыка Чайковского останавливала и привораживала. Каждый куплет по-своему говорил о любви и разлуке:

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит.
Мы простимся на мосту.

В консерватории готовились к зимней сессии, Новому году и капустнику. Никто не знал содержание номеров, их готовили в тайне. На капустник приглашались только свои студенты. Тридцатого декабря Маша сказала, что я приглашен (для меня ребята сделали исключение).

Начало веселья было в восемь часов тридцать первого. Пришли все мои знакомые и очень много незнакомых студентов. Я уже не помню всех реприз, помнится только Хор заярных невест и высказывания Козьмы Пруtkова по местному радио.

Народник Гриша Заярный сам на баяне аккомпанировал своему "хору", который состоял из четырех девушек (в том числе и его жены). Маша начала арию Любаши из "Царской невесты":

"Вот до чего я дожила, Григорий!"

"Хор" подхватил:
"Заярный!"

Так пропесочили любвеобильного Гришу! Все смеялись, хохотал и Григорий. По радио местный Козьма Пруtkов глубокомысленно вещал: "Не все Ивановы толсты!". Я увидел девушку Жени Иванова. Это была невысокая пианистка Милочка. Она, как и Женя, в этом году заканчивала консерваторию.

Капустник окончился за час до Нового года. На Новый год я подарил Маше купленный в букинистическом магазине клавир оперы Н. Римско-

го-Корсакова "Царская невеста". Маша была в восторге! Вот так я встретил Новый год в консерватории.

Сдана зимняя сессия. Нас везет поезд через Ленинград на север по Мурманской дороге. В нашей группе десять туристов. Конечно, не всё успели подготовить. В проходе вагона ребята подгоняют лыжные крепления. Девочки пересыпают гречку из кульков в мешочки. Для каждого нашлась работа.

Раннее утро. Станция Медвежья Гора — город Медвежьегорск. Вывалились из вагона. Холодно. Идем в город. Пока завхоз производил последние закупки, я с двумя туристами пошел в военкомат. Там офицеры разрешили нам познакомиться с топографической картой местности, по которой нам предстоит идти. Конечно, выдать карту они нам не могли: топокарта — государственный секретный документ! Спасибо им за помощь! Наконец все стали на лыжи, и группа вышла из города по заранее определенному по карте азимуту, примерно на запад. Нам в этом направлении предстоит идти три дня по тайге. Если немного отклонимся — попадем на дорогу, а по ней надо двигаться на север.

Засветло останавливаемся для оборудования бивака на ночлег. Подобрали подходящее место — поляна с маленькими елочками. В стороне нарыли таких же елочек и сделали заслон в виде подковы. Внутри насыпали лапник — небольшие хвойные ветки. На них настлали брезент, на нем — одеяла. Пока часть ребят готовила ночлег, другая часть валила сухие березы. У входа в заслон положили две плахи, на них разожгли костер. Под ним снег подтаял, и плахи с костром оказались в колодце. В снег воткнули ветку-удочку, двумя плахами укрепили ее и повесили ведро со снегом. Через какое-то время был готов обед и чай. Давно все переоделись в валенки, ватники и ватные штаны. Определили порядок дежурства и легли спать. Только дневальный не спал и подкладывал в костер. Должен признаться: так мне спалось только в раннем детстве!

Утром свернули бивак и — на запад! Идти было трудно: ноги на лыжах проваливались по колено в снег, без лыж каждый проваливался по пояс. Это оттого, что не было охотничьих лыж. У меня оказались прожжены маленькие отверстия на штормовке. Отметины от осины. Даже сухое дерево разбрасывает мелкие тлеющие угольки из костра. У других — те же неприятности.

Нам предстояло перейти через маленькую речку Поруста. Я шел замыкающим. Когда оставалась пара шагов до противоположного берега, лед треснул. Я успел убежать. Ботинки остались сухими — их защитили "чуни" (чулки на обуви и на нижней части штанов). Но к концу дневного перехода намерз лед на креплениях лыж, и мне очень не повезло.

Через несколько дней группа вернулась в Харьков.

В Харькове я пошел на завод. Все было как обычно. В консерватории репетировали оперу Ю. Мейтуса "Молодая гвардия". В ней были заняты все мои знакомые. Маша пела партию Бабушки, Женя Иванов — Валько, и так все остальные. После похода мой голос звучал лучше, ноты выходили округлые. Занятия получались более продуктивные. Мне собирались дать украинскую песню. Вместе со студентами-вокалистами мы посещали все премьеры в опере.

В туристской секции Борис Павлович дал мне две недели для подготовки отчета по походу. Наконец отчет был готов и принят.

Был подготовлен и спектакль. Его поставили в клубе милиции — в сквере, недалеко от фонтана "Хрустальная струя". Все нервничали. Помню, у левой кулисы Женя Иванов с папиросой в руке (курил, это чтоб голос ниже звучал) спрашивает: "Ребята! Вы не видели Милочку?". Буквально через минуту у правой кулисы Милочка спрашивает: "Вы не видели Женюрочку?". Волновались страшно, но спектакль прошел на ура!

Мысль о моих родителях постоянно меня тревожила... В конце марта я с большими трудностями уволился с ХТЗ и вернулся в Одессу. Так окончилась моя учеба в Харьковской консерватории. Правильно ли я поступил?

P. S.

Бас Е. Иванов — заслуженный артист Украины, солист одесской оперы, профессор Одесской консерватории, заведующий кафедрой оперной подготовки.

Меццо-сопрано М. Малькова — лауреат Украинского конкурса вокалистов, дипломат Всесоюзного конкурса им. Глинки, солистка Одесской филармонии.

Тенор Н. Мануйло — народный артист Украины, солист Киевской оперы.

Баритон Н. Коваленко — заслуженный артист Украины, солист Харьковской оперы.

Сопрано А. Резилова — заслуженная артистка Украины, солистка Харьковской оперы, профессор Харьковской консерватории, заведующая кафедрой сольного пения.

Тенор К. Дубинин — солист Харьковской оперы.

Меццо-сопрано А. Сандлер — солистка филармонии.

Пианистка Л. Иванова — концертмейстер высшего класса, обладатель специальных дипломов лучшего концертмейстера международных конкурсов вокалистов, профессор Одесской консерватории.

К сожалению, не все они дожили до наших дней...